

*И.С. Леонов (Москва)***МОРБУАЛЬНЫЙ КОД В РАССКАЗАХ
И.С. ШМЕЛЕВА И В.Н. ЛЯЛИНА¹****Аннотация**

Статья посвящена отражению мотивов болезни и выздоровления в рассказах И.С. Шмелева «Милость преподобного Серафима», «Еловые лапы», а также автора рубежа XX–XXI вв. В.Н. Лялина «Наваждение», «Нечаянная радость». Исследование выстроено с учетом особого внимания современной гуманитарной науки к тенденциям медиализации общества и на основе анализа феномена морбуального кода в литературно-художественном творчестве. Очевидно, что оба писателя ориентировались на православную традицию, с позиции которой рассматривали такие категории, как болезнь, страдание, выздоровление, смерть, бесмертие. Указанные категории в творчестве обоих авторов воспринимаются в единстве физического и духовного дискурсов. В этой ситуации болезнь рассматривается как стартовая точка для внутренней эволюции персонажа, его нравственного совершенствования, выраженного порой с помощью создания специфической пространственной парадигмы. Очевиден переход персонажа-пациента из секулярного в сакральный для православной ментальности литургический локус. В основу исследования положена сюжетная цепочка, включающая следующие эпизоды: кризис-ситуация, выбор-ситуация, откровение, чудо. Наблюдается, что в художественных текстах находит отражение как последовательное чередование указанных эпизодов («Милость преподобного Серафима», «Наваждение», «Нечаянная радость»), так и смещение акцентов в пользу одного из них, например, выбор-ситуации, что приводит к редуцированному характеру изображения кризиса, откровения и чуда («Еловые лапы»). Эта трансформация указывает на особое внимание автора к духовным последствиям ранее пережитого пациентом кризиса и делает больший акцент на принятии им теоцентричной картины мира.

Ключевые слова

морбуальный код; современная православная проза; И.С. Шмелев; В.Н. Лялин; кризис-ситуация; выбор-ситуация.

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

I.S. Leonov (Moscow)

**MORBUAL CODE IN THE STORIES OF
I.S. SHMELEV AND V.N. LYALIN¹**

Abstract

The article is devoted to the reflection of the motives of illness and recovery in the stories of I.S. Shmelev "The Mercy of St. Seraphim", "Spruce Paws", as well as the author of the turn of the 20th–21st centuries V.N. Lyalin "Obsession", "Unexpected Joy". The study is structured taking into account the special attention of modern humanities to the trends in the medicalization of society and on the basis of an analysis of the phenomenon of the morbual code in literary and artistic creativity. It is obvious that both writers were guided by the Orthodox tradition, from the perspective of which they considered such categories as illness, suffering, recovery, death, immortality. These categories in the works of both authors are perceived in the unity of physical and spiritual discourses. In this situation, the disease is seen as the starting point for the internal evolution of the character, his moral improvement, sometimes expressed through the creation of a specific spatial paradigm. The transition of the patient character from a secular to a liturgical locus sacred for the Orthodox mentality is obvious. The study is based on a plot chain that includes the following episodes: crisis-situation, choice-situation, revelation, miracle. It is observed that literary texts reflect both the sequential alternation of these episodes ("The Grace of St. Seraphim", "Obsession", "Unexpected Joy"), as well as a shift in emphasis in favor of one of them, for example, a choice-situation, which leads to the reduced nature of the image of crisis, revelation and miracle ("Spruce Paws"). This transformation indicates the author's special attention to the spiritual consequences of the patient's previously experienced crisis and places greater emphasis on his acceptance of a theocentric picture of the world.

Key words

morbual code; modern Orthodox prose; I.S. Shmelev; V.N. Lyalin; crisis-situation; choice-situation.

Проблема отражения болезненных состояний человека в произведениях художественной словесности в настоящее время приобретает актуальный характер. Внимание к физическим и ментальным нарушениям личности, восприятие человека в парадигме *болезнь / выздоровление*, выход на проблему всестороннего осмысления здоровья находят отражение в современных филологических, философских, культурологических исследованиях. Л.М. Медведева отмечает актуальный характер феномена болезни для современного гуманитарного знания: «Болезнь в силу ее антропологической составляющей необходимо рассматривать как социокультурную проблему в рамках философского дискурса и историко-культурного контекста с использованием культурологических методов исследования» [Медведева 2013, 6]. О значительном интере-

¹The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-00665, <https://rscf.ru/project/23-28-00665/>; F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.

се литературоведческой науки к проблемам медицины свидетельствует Е.Г. Трубецкова. Литературовед рассматривает понятие «морбуальный код», под которым понимает «...формально-содержательное единство, репрезентирующее в художественных текстах образы и (или) метафорические проекции морбуальности. Литература “кодирует” представление о болезни, образы больных, врачей, медицинские «сюжеты» жизни» [Трубецкова 2021, 50]. Актуальность данного феномена для современной культуры исследователь связывает с процессом медиализации общества: «Связь литературы и медицины, рецепция болезни в художественных текстах стали объектом пристального изучения гуманитарных наук последних десятилетий. Это обусловлено несколькими факторами: усилением интереса к институту медицины в связи с поднятыми биоэтикой в конце XX века проблемами взаимодействия врача и пациента; появлением и развитием принципиально новых методов лечения (трансплантологии, заместительной терапии, протезирования органов, воздействия на геном человека), требующих всестороннего осмысления...» [Трубецкова 2022, 3].

Л.М. Медведева выявляет несколько продуктивных направлений в лингвистике и литературоведении относительно изучения болезни: «Это: история медицинских терминов, эпонимы в медицине, медицинский дискурс в общении врач – пациент, изучение метафор, анализ произведений художественной литературы с точки зрения репрезентации медицинского знания и опыта переживания болезни и т.п.» [Медведева 2013, 25].

В настоящем исследовании проблема болезни и выздоровления будет рассмотрена на материале поздних рассказов И.С. Шмелева и В.Н. Лялина, творчество которых ориентировано на православную традицию и соотносится с таким явлением, как православная (духовная, теоцентричная) проза. Данный феномен привлекает внимание литературоведов: Е.А. Белоглазова, С.С. Бойко, Е.Ю. Вихрова, И.А. Казанцева, М.С. Краснякова, Н.В. Пращерук и др. Исследователи обращаются к проблемам генезиса данного явления, обнаруживая его истоки в патериках, жанрах средневековой словесности и литературы нового времени, рассматривают идейно-тематический диапазон, особенности поэтики, способы отражения этических и метафизических векторов православия в художественных текстах. Особая роль принадлежит поиску приемлемой методологической парадигмы. В этом ключе Н.В. Пращерук отмечает необходимость прочтения такого рода произведений «...на четком следовании критериям духовного в оценке достижений и открытий художников, на методологически обоснованном соотношении (если такова картина мира того или иного художника) со святоотеческой онтологией, гносеологией, аксиологией и антропологией» [Пращерук 2021, 189].

В православной словесности одной из ключевых проблем является проблема времени и вечности. Это отмечает С.С. Бойко: «Время и пространство теоцентричного мира всегда и везде связаны с вечностью. События священной истории наряду с историческими фактами входят в мир героев как актуальные, переживаемые лично» [Бойко 2021, 19]. В этом русле теоцентричная книга часто обращается к мотивам болезни, старости, смерти тела и бессмертия души, а также исцеления телесных и духовных недугов. Подобный мотивный комплекс сближает произведе-

ния И.С. Шмелева и В.Н. Лялина.

Поскольку оба писателя воспринимают болезнь и выздоровление с позиции христианской системы ценностей, представляется целесообразным обратиться к богословскому пониманию данных явлений. Епископ Феофан Затворник рассматривал множество причин возникновения болезненных состояний: «Посылает Бог иное в наказание, как эпитимью, иное в образумление, чтоб опомнился человек; иное, чтоб избавить от беды, в которую попал бы человек, если бы был здоров; иное, чтобы терпение показал человек и тем большую заслужил награду; иное, чтобы очистить от какой страсти, и для многих других причин» [Болезнь и смерть, 2018, 21].

Священнослужитель видит глубокий смысл и неоспоримое значение телесных недугов для духовного роста человека, его нравственного совершенства. Тесная взаимосвязь физического и духовного состояний подчеркивается и в современных исследованиях: «При анализе морбуального кода важнейшими субкодами становятся соматический и духовный. Не случайно в древних культурах и религиях представлено понимание телесной немощи как духовной ущербности или, наоборот, избранности, а телесного здоровья – как совершенства духовного» [Трубецкова 2021, 49].

Настоящее исследование базируется на произведениях И.С. Шмелева «Милость преподобного Серафима», «Еловые лапы» и писателя рубежа XX–XXI вв. В.Н. Лялина «Наваждение», «Нечаянная радость».

В основу анализа положена сюжетная цепочка, включающая следующие элементы: кризис-ситуация, выбор-ситуация, откровение, чудо. Под кризис-ситуацией понимается болезнь, возникшая внезапно или достигшая своей кульминационной стадии при длительном хроническом течении. При этом внимание уделяется не только физическому, но и духовному состоянию человека: рассматривается его склонность к унынию, апатии, ощущению безнадежности. Выбор-ситуация – сознательное действие человека, испытывающего физические и/или нравственные страдания, направленные на избавление от недуга и обладающее как рациональным, ситуативно оправданным, так и иррациональным характером. Под откровением, в данном случае, понимается особое состояние личности, находясь в котором она получает некий знак, указывающий на грядущее испытание, либо, чаще всего, на преодоление страданий, что соотносится с религиозной трактовкой данного феномена, подразумевающего самораскрытие Бога перед человеком. Этот знак может быть воспринят человеком в окружающей действительности, во сне, или в пограничном состоянии между сном и реальностью. Под чудом понимается как изменение физического состояния человека, вызванное, по мысли автора, воздействием Высших сил, так и духовное преображение самого человека: укрепление в нем веры, появление надежды на помощь Бога.

Часто в произведениях пациент испытывает сильную физическую боль, а также страх перед неизвестностью, вызванный отсутствием полной информации о своем диагнозе, неясностью перспектив, сомнением в выздоровлении. Изображая в рассказе «Милость

преподобного Серафима» картину жестоких физических страданий, рассказчик делает особый акцент на собственном тяжелом душевном состоянии: «Я был в подавленности великой, я уже и не помышлял, что вернутся когда-нибудь – хотя бы на крайний срок! – дни без болей» [Шмелев 2015, 133]. Подобный внутренний упадок связан с отсутствием перспектив и осознанием неминуемой гибели. Накануне операции больного посещают следующие мысли: «А что дальше? Этого “дальше” для меня уже не существовало: дальше – конец, конечно» [Шмелев 2015, 133].

Выбор-ситуация тяготеет к иррациональному плану, что продиктовано религиозно-христианским мировосприятием писателя. Попытки пациента мыслить рационально, разобраться в методах диагностики и лечения заболевания приводят в тупик. Реплики и комментарии врачей носят крайне лаконичный характер, просмотр рентгеновских снимков приводит рассказчика в большее замешательство. На первый план выходит молитва, которая требует от больного серьезных внутренних усилий, способным привести к определенным духовным изменениям: «Но какая молитва! Не то чтобы я был неверующим, нет: но крепкой веры, прочной духовности не было во мне, скажу со всей прямоотой (...). Молился и думал, что все кончено» [Шмелев 2015, 134].

Тем не менее, выбор-ситуация в произведении представлена достаточно рельефно. Связана она с внезапным переходом больного от «формальной» молитвы к искреннему духовному порыву, в котором находит отражение надежда на исцеление и уверенность в чудесных дарованиях святого: «В эту ночь я опять кратко, но, может быть, горячее, чем обычно, мысленно взмолился... именно взмолился, как бы в отчаянии, преподобному Серафиму: “Ты, святой, преподобный Серафим... Можешь! Верую, что ты можешь!...”» [Шмелев 2015, 135].

За выбор-ситуацией в произведении следует откровение, воспринимаемое рассказчиком как некое обнадеживающее указание, сопровождаемое облегчением физического состояния. С точки зрения хронотопа, столкновение пациента с сакральным происходит на границе сна и реальности: «Ночью были небольшие боли, но скоро успокоились, и я заснул. Заснул ли? Не могу сказать уверенно: может быть, это как бы предсонье было» [Шмелев 2015, 135–136]. Последующее за откровением чудо включает как постепенное восстановление физического здоровья рассказчика, так и обновление его духовного состояния, связанное с укреплением веры.

Рассмотренное произведение построено на последовательном чередовании элементов, включающих кризис- и выбор-ситуации, откровение и чудо. Тем не менее в творчестве И.С. Шмелева есть рассказы, в которых те или иные обозначенные звенья представлены редуцированно, а наибольший акцент делается на одном из них. Так, в произведении «Еловые лапы» кризис, откровение и чудо фигурируют достаточно условно, однако же выбор-ситуация и последующие, связанные с ней эпизоды, носят развернутый характер.

Рассказ начинается с загадочного обстоятельства: в музее, где в советские годы находились мощи преподобного Серафима Са-

ровского, появляется необыкновенный старик, облик и поведение которого не вписываются в реалии музейного быта: «...появление старика в ветхом полушубке, в лаптях-онучах, с мешком за спиной, привлекло любопытство музейских и хорошо запомнилось» [Шмелев 2015, 257]. Данный эпизод свидетельствует о совершенном в прошлом выборе: персонаж взял на себя обязательство ежегодно приносить на могилу старца Серафима еловые ели в знак благодарности за исцеление от болезни в детском возрасте. Таким образом, кризис, а также последующее за ним чудо, остаются в прошлом и раскрыты весьма условно. Читатель узнает о них из краткого монолога старика: «Как маменька помирала, наказала: “Помни, Ваня... вымолила я тебя у батюшки Серафима...” – отмолила, стало-ть... “воздвиг тебя батюшка Серафим-угодник...”» [Шмелев 2015, 258]. Следует обратить внимание, что в рассказе не содержится подробного описания болезни и выздоровления персонажа; упоминание об этих событиях носят лаконичный характер. Однако последствие исцеления порождают очередную ситуацию выбора, который совершают одновременно мать и сын: «С той поры всякий год хаживали они на могилку, правили панихидку – “порадовать-поклониться цветочками его с полянки в бору”, а в зимнюю пору еловые лапы в бору ломали и сосновые сучочки с шишечками, на могилку клали – порадовать» [Шмелев 2015, 258].

Таким образом, в качестве ключевых мотивов в morbидальной прозе И.С. Шмелева становятся мотивы кризиса, который выражен комплексом телесных и душевных страданий, испытываемых больным, а также выбора, который делает пациент как на этапе болезни (молитва, обращение к Богу), так и после выздоровления (благодарное почитание святого). Сама болезнь трактуется автором как состояние, призванное привести человека к нравственному обновлению и к принятию им теоцентричной картины мира.

Подобную трактовку темы болезни и выздоровления можно найти у писателя рубежа XX–XXI вв. Валерия Лялина (1927–2010), творчество которого во многом определило векторы развития современной православной художественной прозы.

Телесный недуг в творчестве писателя, имевшего медицинское образование и богатый практический опыт, как и у И.С. Шмелева, воспринимается в контексте духовного состояния человека. И процесс излечения также, по мысли автора, должен начинаться с изменения душевного состояния. Его герои – молодые, полные сил и надежд на будущее люди, сталкиваются с внезапной болезнью, разделяющей их жизнь на «до» и «после». Этот факт способствует более трагичному восприятию персонажем собственной судьбы и усиливает его психологически острую реакцию на случившееся. Следует отметить, что и у И.С. Шмелева жертвами заболевания становятся люди, имеющие жизненные перспективы: зрелый, но не еще старый рассказчик («Милость преподобного Серафима»), ребенок («Еловые лапы»).

Показательна судьба тридцатилетнего Семена, персонажа рассказа «Наваждение», болезнь которого, по всем прогнозам, должна привести его к смерти. Произведение начинается с сообщения о

неожиданной болезни. Жизнь центрального персонажа до ее наступления характеризуется предельно лаконично: «Среди полного жизненного благополучия, когда у меня уже был стандартный набор современных жизненных благ, дающих относительное счастье, как-то: квартира, дача, машина и неплохая подруга – меня неожиданно и молниеносно постигла тяжелейшая болезнь крови, она свалила меня на больничную койку, где я, без успеха пролечившись с месяц, пришел в полное помрачение ума и не знал, что мне делать» [Лялин 2004, 95]. Подобный лаконизм оправдан желанием автора полностью сфокусироваться на мотивном комплексе *кризис / выбор*, а также сосредоточиться на ключевых элементах произведений, в которых морбуальная тема рассматривается в религиозно-христианском контексте: откровение, чудо. Также за пределы авторского внимания остается зарождение недуга, его первые признаки и постепенное развитие. В этом улавливается кардинальное отличие Лялина от Шмелева, который в рассказе «Милость преподобного Серафима» упоминает первые и не столь явные признаки заболевания, проявившиеся задолго до основного кризиса. В этом смысле И.С. Шмелев близок Л.Н. Толстому, который подробно описывает ход зарождения и развитие болезни в повести «Смерть Ивана Ильича».

Само заболевание воспринимается рассказчиком как резкий и насильственный, вызванный некой враждебной волей переход из привычного жизненного пространства и обнаружение себя в чуждом и болезненном мире *болезни / смерти*, зримым воплощением которого становится больничное отделение: «Какая-то сила, без суда и следствия вырвала меня из жизни и обрекла на гибель. И я вышел из этой клиники, куда не дай Бог кому-нибудь попасть. С пустяками здесь не лежали, и над каждым был приговор смерти, которая была не за горами, а за плечами. Ум мой помрачился от тоски и тревоги, потому что моя собственная кровь восстала на меня и превращалась в яд, убивающий тело» [Лялин 2004, 95].

Своеобразно в рассказе представлено пространство медицинского учреждения. С помощью деталей автор показывает, что больничное отделение, в котором оказывается Семен, отделено от остальных помещений, изолировано, обладает каким-то особым статусом, что вызывает тревогу у попавших туда людей: «Наше отделение безнадежно больных было небольшое и находилось на три ступеньки ниже общего больничного коридора, спрятавшись за массивной тяжелой дверью со старинной медной ручкой» [Лялин 2004, 95].

Таким образом, очевидно, что в рассказе особую роль приобретает изображение кризис-ситуации, которая показана достаточно четко, рельефно, с привлечением детального изображения внутреннего состояния персонажа, а также с помощью создания специфического морбуального пространства.

Центральным мотивом в произведении является мотив чуда, который понимается не только в контексте физического выздоровления, сколько в плане духовного преображения: Семен приходит к вере, принимает крещение, приносит покаяние. При этом при

крещении герой меняет имя, что в православной традиции более свойственно монашескому постригу, который воспринимается как умирание для мира в преддверии воскресения: «Это было очень умно, подумал я, смерть будет искать Семена, а я уже не Семен, а Серафим» [Лялин 2004, 96]. Таким образом, в произведении представлен мотивный комплекс, основанный на кризисе и выборе, к которому герой приходит осознанно, хотя и преодолевая определенные духовные препятствия.

Похожая тематика обнаруживается в рассказе этого же автора «Нечаянная радость», который имеет автобиографическую основу. Молодой врач, работающий в одном из крымских моргов, испытывает комплекс тяжелых соматических и психиатрических симптомов, которые связаны как с последствиями ранее проведенного над ним неудачного медицинского эксперимента, так и с его профессиональными обязанностями. В произведении возникает мотив «заражения смертью», а изображенное в рассказе художественное пространство делится на два бинарных полюса: локус смерти, символом которого становится морг, и противоположное ему жизненное пространство – храм. Исцеление, как духовное, так и телесное приходит благодаря встрече молодого врача с профессором медицины архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким), который проводит краткий осмотр пациента и своим словом укрепляет веру молодого человека. В финале произведения больной совершает переход в сакральное храмовое пространство, которое благоприятно воздействует на его духовное и физическое здоровье. В произведении подробно изображается кризис-ситуация: детально описываются физические и ментальные страдания молодого врача, вызванные в том числе и с воспоминаниями о неудачном медицинском эксперименте. Выбор-ситуация основана на полном доверии к архиепископу Луке как к телесному и духовному врачу. Под откровением следует понимать пророческие слова священнослужителя: «Ты врач и я врач, и скажу тебе откровенно, что в ближайшее время умереть предстоит мне, а не тебе, а ты будешь жить еще долго-долго и может даже доживешь до моего возраста. Поминай меня в молитвах своих. Я много потрудился для Бога и людей, и исполнил меру дел своих, и чувствую, что силы мои уже исчерпаны. А тебе советую оставить работу в морге. Эта работа не для тебя. А возьми-ка ты свою докторскую трубочку и отправляйся в деревню сельским врачом к живым труженикам, кормильцам нашим. Послужи им по-совести» [Лялин 2004, 135].

Исполнение пророчества архиепископа, выраженное в изменении духовного и физического состояния молодого врача, соотносится с категорией «чудо» в данном произведении. На пространственном уровне переход от болезни к выздоровлению показан как обнаружение себя в сакральном храмовом локусе, где центральное место занимает икона Божией Матери «Нечаянная радость»: «Я подошел к крайней большой иконе и прочитал: “Нечаянная Радость”, и сердце мое дрогнуло и радостно забилося долго-долго...» [Лялин 2004, 135].

Следует отметить, что морбуальная тема находит отражение в

прозе православных писателей прошлого и современности, однако при этом представлена в своеобразном преломлении, основанном на единстве восприятия категорий физического и духовного. Кризисные состояния приводят человека к совершенному им выбору, за которым следует внутреннее преображение личности, воспринимаемое в контексте христианской традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко С.С. Книги для бессмертных. Теоцентричная проза православных писателей XX–XXI вв. М.: РГГУ, 2021. 341 с.
2. Болезнь и смерть: По трудам святителя Феофана Затворника. М.: Сибирская благовонница, 2018. 92 с.
3. Лялин В.Н. Нечаянная радость. СПб.: Сатись, 2004. 136 с.
4. Медведева Л.М. Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград: ВолгГМУ, 2013. 252 с.
5. Пращерук Н.В. Святоотеческая традиция в литературоведческом исследовании // Теология в научно-образовательном пространстве: задачи и решения. Екатеринбург: НЧУ ООВО «Миссионерский институт», 2021. С. 279–282.
6. Трубецкова. Е.Г. К вопросу о морбуальном коде русской литературы // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 47–54.
7. Трубецкова Е.Г. Морбуальный код русской литературы XX–XXI вв.: автореф. дис. ... д. филол. н.: 10.01.01. Саратов, 2022. 46 с.
8. Шмелев И.С. Повести и рассказы. М.: Никея, 2015. 416 с.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Trubetskova E.G. K voprosu o morbual'nom kode russkoy literatury [On the Question of the Morbual Code of Russian Literature]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 467, pp. 47–54. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Prashcheruk N.V. Svyatootecheskaya traditsiya v literaturovedcheskom issledovanii [The Patristic Tradition in Literary Research]. *Teologiya v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve: zadachi i resheniya* [Theology in the Scientific and Educational Space: Tasks and Solutions] Ekaterinburg, Missionerskiy institut Publ., 2021, 279–282 pp. (In Russian).

(Monographs)

3. Boyko S.S. *Knigi dlya bessmertnykh. Teotsentrichnaya proza pravoslavnykh pisateley XX–XXI vv.* [Books for Immortals. Theocentric Prose of Orthodox Writers of the 20th – 21st Centuries]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2021. 341 p. (In Russian).
4. *Bolezn' i smert': Po trudam svyatitelya Feofana Zatvornika* [Illness and Death: According to the Works of St. Theophan the Recluse]. Moscow, Sibirskaya blagovonnitsa Publ., 2018. 92 p. (In Russian).
5. Medvedeva L.M. *Bolezn' v kul'ture i kul'tura bolezni* [Disease in Culture and Culture of Disease]. Volgograd, Volgograd State Medical University Publ., 2013. 252 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

6. Trubetskova E.G. *Morbual'nyy kod russkoy literatury XX–XXI vv.* [The Morbid Code of Russian Literature of the 20th – 21st Centuries]. Dr. Habil. Thesis Abstract. Saratov, 2022. 46 p. (In Russian).

Леонов Иван Сергеевич,

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры мировой литературы.

Научные интересы: история русской литературы новейшего времени.

E-mail: mamif.lis@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-7435-3963

Ivan S. Leonov,

Pushkin State Russian Language Institute; F.M. Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities.

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of World Literature.

Research interests: history of Russian literature of Modern times.

E-mail: mamif.lis@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-7435-3963